

Николай Ольков

Сухие росы

Собрание сочинений. Том 4

Николай Максимович Ольков

Сухие росы. Собрание сочинений. Том 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22203376

ISBN 9785448355059

Аннотация

Да разве бывают сухие росы? Оказывается, бывают. Поздней осенью, в конце уборки урожая, когда крестьяне понимали, что погода вечно стоять не будет, выпадали им две-три ночи без росы, сухие ночи, можно до утра молотить. Кто-то умный назвал это явление сухими росами. Прижилось и долго жило, теперь отмирает вместе с романтикой осенней страды и гордостью за хороший урожай...

Содержание

И гимн, и реквием	5
Сухие росы	9
1	9
2	11
3	18
4	22
5	30
6	35
7	42
8	45
9	47
10	56
11	59
12	63
13	66
14	69
15	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сухие росы
Собрание сочинений. Том 4
Николай
Максимович Ольков

© Николай Максимович Ольков, 2016

ISBN 978-5-4483-5505-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И гимн, и реквием

Николай Ольков известен в Тюменской области как журналист и писатель сугубо деревенский, и в этом качестве он утверждает себя двумя десятками художественных и публицистических книг, сериями «Почетные граждане» Сладковского и Голышмановского районов», очень острой и актуальной библиотечкой «Диалоги о наших временах». Почти десять лет назад он издал книгой свои журналистские работы «Деревенские перемены», о ходе реформирования тюменской деревни. Там были интервью с лидерами аграрного бизнеса, рассказы о непростой жизни новоявленных фермеров и свободных земледельцев, и почти всегда возникали вопросы: а что же дальше? что будет с деревнями, не попавшими в границы крупных ЗАО и ООО, поддерживаемых властью? как выживать крестьянам? Сегодня ответы дает сама жизнь: деревни затихают, стареют, абсолютное большинство крестьян не находит применения своим силам, все больше памятных камней на месте бывшей активной жизни.

Роман «Сухие росы», можно сказать, итожит почти полувековую работу автора по накоплению материала, по его осмыслению. Роман этот деревенский, хотя тут довольно и любовных историй, и житейских ситуаций, и непростых судеб. Главный герой – сибирская советская деревня 1965—1990 годов. Это наиболее осмысленный и продуктивный

период. Выстояв и победив в Великой Отечественной войны, накопив в сложнейших условиях «холодной войны» солидный потенциал, освободившись от политических и экономических реформаций, которые в пятидесятые и в начале шестидесятых годов больно ударили по сельскому хозяйству, государство, наконец, повернулось к деревне и к своему кормильцу – крестьянину.

В 1980 году в сельском хозяйстве Советского Союза было занято более 26 млн. человек, обрабатывалось 226 млн. гектаров пашни, имелось 115 млн. голов скота, в том числе 43 млн. коров. Деревня производила 189 млн. тонн зерна, 15 млн. тонн мяса, 33 млн. тонн молока. За пятилетку с 1976 по 1980 годы капитальные вложения в сельское хозяйство составили 171 млрд. рублей, в три с лишним раза больше, чем за период 1961—65 годов. (*Советский энциклопедический словарь, 1982 год*).

В книге нет этих цифр, но положительные перемены читатель замечает на каждом шагу, деревня росла и развивалась вместе с людьми, он все-таки был, ныне осмеянный трудовой энтузиазм, руководители хозяйств, механизаторы и животноводы работали в полную силу и были уверены в завтрашнем дне.

Роман нельзя назвать документальным, но реальные люди и события угадываются. И хотя автор назвал район Пореченским, за ним четко виден его родной Казанский район, как и в первом секретаре Хма-

ре узнаваем Василий Федорович Кныш. Многие известные люди района написаны под собственными именами. Общее стремление сделать больше, сделать лучше объединяет трудовой коллектив района. Сегодня об этом не принято говорить, но автор, верный исторической правде, честно отводит решающую роль партийному руководителю, райкому КПСС, показывает определяющую роль рядовых коммунистов.

Первый секретарь райкома Хмара патриот своего района, благополучие которого составляет смысл его жизни. Отсюда жесткая требовательность, вплоть до беспощадности, отсюда конфликты с областными руководителями, но тут же заботливое отношение к людям, привязанность к ним, что сильно проявилось в связи с неожиданной смертью лучшего директора Долгушина. Любовное увлечение первого секретаря у меня, например, вызывает много вопросов, но надо отдать должное автору: он так тонко провел героя по острию «любовного ножа», что ни одна тень не упала на авторитет партийного руководителя.

Еще о двух героях книги, реально живших людях. Это народный академик, великий знаток земли Терентий Семенович Мальцев, у которого многому учится Хмара, и писатель Иван Ермаков, уроженец казанской земли, с которым первый секретарь дважды встречается в книге.

Очень колоритен председатель колхоза Макар Чуклеев, один из старой гвардии хозяйственников, не очень грамотных, но преданных земле, деревне, колхозу. Интересно по-

казан Юрий Долгополов, молодой агроном, ставший директором крупного совхоза, вобравший в себя черты нескольких реальных

руководителей, в частности, Ю. Н. Шустова.

Книга оканчивается запретом Коммунистической партии, сценой встречи первого секретаря с начальником милиции у опечатанного райкома. Трагедия Хмары воспринимается как часть грядущей трагедии народа и государства. Потому роман Николая Олькова «Сухие росы» я бы назвал и гимном родной советской деревне, и реквиемом по несостоявшейся ее судьбе.

Ю. Р. Клат,

начальник облсельхозуправления (1976—79),

заместитель председателя облисполкома (1979—85),

секретарь Тюменского обкома КПСС по сельскому хозяйству (1985—90)

Сухие росы

Роман

*Моей милой родине – Казанскому району,
его людям, бывшим и нынешним,
которыми горжусь и которых люблю.*

Автор

1

Весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание, и является она всякий раз по-разному, одна на другую не похожа. Может раным-рано объявить о себе вдруг потеплевшим солнцем, и тогда уже в апреле осядут снега, могут даже птицы южные обмануться и залететь, а ночами морозно, по утрам туманы, будто грибные августовские, деревья куржаком оденутся, красиво, а радости нет, потому что выхлещивает мороз влагу – что днем натаяло, ночью вымерзло. В такой год крестьяне добра не ждут, земля откроется рано, может даже прогреться в первых днях мая, а сеять не то чтобы опасно – нельзя сеять. Вот и стоит мужик на полосе, в одной руке лукошко, в другой грабельцы, ворохнет почву, а там сорняк дружно в рост пошел, надо его переждать, забронить, и тогда только к лукошку подступаться. А иная

весна и того чудней – крепится-крепится, да как навалится, мощно, с напором, ее еще дружною называют; в несколько дней все приберет, что зима накопила, весь снег расплавит и крутыми ручьями спустит в низины, озера и речки; в Реку столько воды падет с Горы по логам и оврагам, что она и лед стряхнуть не успевает, подопрут его чужие талые воды, взломают, освободится Река и вздохнет. Опять у крестьянина не все так, как надо: была влага, да нет ее, унеслась на радостях в большую дорогу, словно и не было ей природного предназначения зернышко напитать и колос вырастить человеку; опять крестьянин на кромке поля в великих раздумьях и сомнениях: глубоко заборонить семя, чтобы надежно втиснулось оно в царство верной полю влаги и долго, до самых долгожданных дождей, пило бы и питалось, или чуть только притрусить землею, чтоб схватилось лишь и быстро в рост пошло, обогнав поганый сорняк и угрозу засухи отодвинув.

Юра Долгополов, можно сказать, совсем случайно оказался в Пореченском районе. При распределении выпускников агрономического факультета сельхозинститута он, буйная головушка, заявил, что готов ехать туда, куда никто не согласится, дескать, закрою собой кадровую брешь в родном сельском хозяйстве. Члены комиссии отнеслись к порыву с пониманием, все знали активного студента и комсомольца как человека очень правильного и агронома перспективного, обсуждалось даже предложение оставить его на кафедре и оформить в аспирантуру, но в предварительном разговоре Юрий предложение отклонил, сославшись на долг и обязанность работать непосредственно на производстве. Аспирантуру согласились отложить и направили энтузиаста в приличный Пореченский район, чтобы он хлебнул практики, охолонул и сам пришел с просьбой уже, а не с согласием, предаться, наконец, чистой науке.

Что надо молодому человеку, чтобы определиться в деревне? Председатель отправил его к бабушке Усихе, у которой жилали все три предыдущих агронома. Председатель Макар Наумович Чуклеев, не обремененный теоретическими познаниями и к грамоте вообще относящийся снисходительно, как к неизбежному для сегодняшнего дня человеческому недостатку, агрономов считал людьми ненужными.

ми, но обязательными для колхоза, потому что в районе власти перестали по всем вопросам обращаться к председателю, а вновь избранный первый секретарь Хмара неожиданно заявил, что в растениеводстве главной фигурой должен стать агроном. С «фигурами» Макару не везло, один посевную кое-как провел и уехал, другой уборочную закончил, отчет в район увез и не вернулся, третий с год в кабинете просидел, людей боялся, землю не любил, даже с председателем разговаривал бухтельно, нехотя, пришлось предложить уволиться по собственному желанию.

Макар был крестьянин и по происхождению, и, по сути, все ремесло деревенское знал, землю звал не иначе как пашенкой, будь она во всходах или даже под снегом, пашенка, и все тут, нравится кому или нет. Колхоз «Светлый путь» объединял три деревни, Макар тутошний, родом из самой дальней и маленькой деревеньки, тут коров пас и даже свиной подростком еще, повоевал и демобилизовался с орденами, на фронте в партию вступил, «критика и самокритика» стало любимым его выражением. Если мужики долго копались и не могли завести трактор, он подходил, отодвигал всех, лез в магнето, в карбюратор, пробовал искру, проворчав «критики и самокритики вам не хватат», дергал пускач, тот трещал, Макар ловко перебрасывал рычаги, и двигатель заревел, выплюнув облако густого солярочного дыма.

Чужого мнения председатель никогда не спрашивал, заседания правления собирал редко, да и то, чтобы оформить ра-

нее принятые и исполненные им решения, колхозники к этому уже привыкли, и районное начальство особых претензий не предъявляло, учитывая, что колхоз жил ровненько, планы выполнял, больших грехов за председателем не замечалось, потому Макар всякий раз на собраниях получал свою долю критики и переизбирался на новый срок. Когда Долгополов попил с Усихой чаю и пришел, как договорились, к председателю, Макар сразу поинтересовался, понравилось ли ему село.

– Ничего особенного, село как село, – неопределенно ответил агроном.

– Юрий Петрович, скажи-ка мне, надолго ли к нам?

– Думаю, что надолго, – смело ответил Юрий. – У меня много задумок разных, я диплом защитил по новым сортам яровой пшеницы, так что будем внедрять теорию в практику.

Макар встал, прошелся по кабинету, время от времени останавливаясь и покачиваясь на носках, любуясь новыми бурками с блестящими калошами:

– Это хорошо, критика и самокритика, сорта и дипломы, а норму высева на сеялке, например, установить ты умеешь?

– Смогу.

– Так. А если тракторист напился, а надо боронить, агрегат стоит, сроки уходят – что будешь делать?

– Не может механизатор напиться во время посевной, – убежденно сказал агроном.

– Просто любо! – Макар всплеснул руками – Ты не из ком-

сомольских ли активистов?

– Да, был членом комитета комсомола института.

– Я так и понял. Водку не пьешь?

– Почему же, выпиваю по случаю. Макар Наумович, а к чему вы этот разговор завели о пьянстве? Есть такое явление?

Председатель крикнул от удивления или недоумения:

– Ты же деревенский, в бумагах написано, природу нашу знаешь, то есть, знаешь, мужик загулять может не только в посевную или уборочную, у нас был случай, когда молодожен в медовый месяц в загул ушел, всем колхозом его отлавливали, критика и самокритика, чтобы обязанности исполнял. Вот я и интересуюсь твоими действиями, если с трактористом такой случай.

Долгополов наморщил лоб:

– Сниму пьяного с трактора, другого посажу.

– А другого нет, все при деле, – Макар картинно развел руки.

– Бригадира за рычаги, если не сумел наладить работу головой, пусть руками.

– Годится. А сам, к примеру, мог бы смену отборонить?

– Очень даже просто, приходилось, только агроному в такую пору нельзя на один агрегат замыкаться.

– Так! – опять крикнул Макар и ехидно заметил: – У него пост или вера не позволяет?

– На мой взгляд, Макар Наумович, посадить агронома

на трактор во время посевной все равно, что комиссара в бою заставить отгаскивать стреляные гильзы.

Чуклеев хохотал так громко, что машинистка Фрося из приемной заглянула, приоткрыв дверь. Махнув на нее рукой, он покашлял, вытер глаза, прибрал платок и уже серьезно проводил агронома в кабинет, на его рабочее место.

Бумаги оказались в полном порядке, Юрий записал в заранее припасенную тетрадку данные по урожайности, по внесению минеральных и органических удобрений. В тот же день сходил на склад, посмотрел семена. Ближе к вечеру нашел колхозного инженера, Владимира Леонидовича, местного парня, которого председатель год назад перевел из механиков по сельхозмашинам, парень оказался толковым, на все вопросы агронома отвечал конкретно, по ходу комментируя обстановку. Сразу заметил, что называть его можно просто Володей.

– У нас две проблемы, первая – техника, тракторов не хватает, хоть и получаем новые каждый год. Ремонт никуда не годный, РТС выпустит из ворот, а он за проходной встал, опять на удавку и в цех. Все равно потом в борозде встанет. Рекламации пишем, техинспекцию вызываем, те руками разводят: железо. А по железу так тебе скажу: ехал я в Тюмень, срочно надо было, пришлось в мягкий вагон билет покупать, и попал в купе вместе с полковником, поддатый он хорошо. Как узнал, что я колхозный механик, чуть не заплакал, оказывается, деревенский родом, служит военпредом на танко-

вом заводе, давай меня про технику нашу спрашивать. Я погоревал насчет качества, а он смеется. Если бы, говорит, мне на танки такой металл ставили, как вам на трактора, у меня коленвал после первой заводки в штопор свернулся бы. Второе наше горе – кадры. Люди есть, а кадров механизаторских не хватает, держимся старыми энтээсовскими трактористами, молодежи почти нет, после школы хоть к черту на рога, только не в колхоз.

Юрий с недоумением на него посмотрел: молодой, красивый, с легким пушком усов, явно не бритых, сероглазый, густые волосы через волну перекинулись на крутой затылок; такой и захочет, так не сможет соврать.

– Это же совсем плохо, просто никуда не годно. Комсомольская организация есть?

– Куда ей деться, конечно, есть, да толку-то!

– Не скажи, Володя, мы в институте так дело поставили, что сам ректор считался с комитетом, мы знаешь, как дело держали!

– В институте, может, вы и могли что, а в колхозе забудь, тут Макар и бог, и царь, и похоронная команда.

– Не ты ли секретарь комитета?

– Отбоярился, учительницу избрали, но она в колхоз не ходит, Макар ее в первый визит чем-то огорчил. Так, взносы собирают, политзанятия проводят.

– Эх, не дело это, надо через комсомол молодежь поднимать, нет же другой организации. Ты познакомь меня с учи-

тельницей той, уж я с ней поговорю, вместе потом будем председателя поправлять.

Владимир встал:

– Я познакомлю, конечно, но председателя поправлять, как ты выразился, пойдете без меня, я уже всё слышал насчет критики и самокритики.

Так закончился первый рабочий день.

Никогда еще молодой человек не был так доволен жизнью, как теперь, в неведомом ранее селе Огнево все его устраивало: и Усихин обед, толи мясо с картошкой, толи картошка с мясом, и ежедневные встречи с ремонтниками в мастерских, даже две поездки в район и более плотное знакомство с главным агрономом сельхозуправления Бычаевым. Тот не скрывал своего критического отношения к председателю.

– Ты в голову не бери, что он тобой не интересуется. Посевную хорошо просчитай, рабочий план будешь защищать у меня, кто-то из райкома придет, возможно, сам первый, так что по каждой позиции четко дашь пояснения. На нашего первого надо впечатление произвести, оно потом влияет на отношения.

Юрий недоуменно поднял брови:

– Почему он такой субъективист? Первое впечатление может быть ошибочным, и даже чаще всего.

– Ну, ты его поучи, – засмеялся Бычаев. – Да, из редакции интересовались, я просил пока не беспокоить тебя, но имей в виду, на всякий случай, есть там такой корреспондент, Онисимов, может подкатить.

– Это интересно, хотя, конечно, сейчас не до прессы, ко мне уже секретарь райкома комсомола подкатил, как вы го-

ворите. Вечером пригласили в клуб, собралось десятка два молодежи, а он называет мою фамилию и предлагает избрать секретарем колхозной организации. Я дал самоотвод, но, похоже, ребята не поняли, что это такое, и дружененько проголосовали.

Бычаев посмотрел на молодого своего подчиненного с недоумением и завистью: давно ли он сам вот так же утверждал себя в комсомоле, нащупывал свою дорогу в хозяйстве, а прошли двадцать лет, и от юношеских порывов ничего не осталось, только снисходительные воспоминания.

– У меня еще один вопрос, – напомнил о себе гость. – Как бы вы отнеслись к созданию комсомольско-молодежных звеньев, причем, чтобы они не только посеяли, но и отвечали за поле полностью, и убирали сами, и расчет с ними проводить не по часовой или с гектара, а по урожаю.

Бычаев нахмурился:

– Я уже предупреждал: не порти о себе впечатление бредовыми идеями. По молодежным звеньям иди в комсомол, а по всем экономическим вопросам – к Чуклееву, он тебе быстро разъяснит. Могу заранее сказать: совершенно безнадежное дело, не пойму только, как оно тебе в голову пришло.

Долгополов решил свернуть разговор, хотя очень хотелось поделиться своими размышлениями с главным, похоже, он человек толковый, и мог бы понять, но не все в первый день. И вовсе не вдруг пришло в голову, а статью об этом принес ему доцент Новохаткин, напечатана была в журнале «Ком-

мунист», Юрий и не подозревал о существовании такого. Какой-то ученый, забыл его фамилию, говорил о такой системе организации труда в полеводстве как о самой оптимальной, приближающей крестьянина к результатам своего труда напрямую, и даже предполагал, что очень скоро мы подойдем к этому вопросу вплотную.

Долгополов и вправду произвел на Бычаева хорошее впечатление: умный, серьезный, полон идей, и сложен плотно, Дмитрий подумал даже, не занимался ли он борьбой. Было бы очень неплохо вспомнить молодые годы, потрянуть стариной и повозиться на ковре с понимающим человеком. И ковер в доме культуры есть, и желающих можно отбавлять, но мало удовольствия бросать на лопатки несформировавшееся тело, напрочь лишенное всякого умения сопротивляться, а тренировать самому просто нет времени, он еще в институте понял, что надо выбирать между спортом и агрономией. Как всякий человек, подходящий к сорокалетнему возрастному рубежу, он снисходительно относился ко всем более молодым. Вот и этот романтик, вознамерившийся в колхозе имени Макара, так в районе именовали «Светлый путь», организовать молодежные звенья. У Макара вообще ничего невозможно изменить, все и всегда будет так, как он сказал, и совсем не имеет значения, что вся грамотёшка получена им в школе колхозных бригадиров, а природное понимание земли ничем не подкреплено. Если только этот фантазер не сломается при первых атаках председа-

теля, не согласится, что тот в колхозе хозяин и будет так, как он сказал, то разочарование неизбежно, хотя жаль мальчишку: симпатичный, открытый, глаза голубые, как у девчонки. Дмитрий улыбнулся: ему девчонки голубоглазые нравились, а женился на брюнетке.

4

– Это главный агроном? – спросил звонкий голос в трубке.

– Да, – ответил Долгополов.

– Юрий Петрович, редакция, Онисимов, за новостями к вам.

– За какими новостями? – не понял агроном.

– За свежими, информацию можете дать в газету?

– По телефону? – опять переспросил агроном.

– Конечно. Подготовка к севу, семена, передовые механизаторы.

– Вы что, не можете в колхоз приехать?

– Юрий Петрович, это только в песне поется, что трое суток можно ухлопать ради нескольких строчек в газете, за такую производительность с меня редактор штаны снимет. А вообще-то мысль, я приеду сегодня к обеду, только вы будьте на месте, поговорим, статью для газеты подготовим. Добро?

– Хорошо, я буду в правлении.

Онисимов уже второй год в редакции, поучился на курсах газетных работников в обкоме партии, считался хорошим газетчиком, обстановку схватывал быстро, с людьми сходилась запросто, с ним руководители хозяйств охотно беседовали, иногда позволяя печатать объемные интервью. Он чувствовал свою некоторую значимость и не упускал возможности

воспользоваться этим, принося редактору материалы, которых в планах не было и которые еще неизвестно как будут восприняты в райкоме. Впрочем, все всегда было в пределах нормы, редактору делали замечание, на летучке он легонько внушал Онисимову, но тихонько гордился, что его газета поднимает важные, чуть ли не запретные темы.

Долгополов встал со своего стула навстречу молодому человеку в берете, короткой курточке и хромовых сапогах.

– Я Онисимов.

– Долгополов, Юрий Петрович.

– Меня зовут Никита, но мне больше нравится по фамилии обращение. Видимо, рожден был для армии, там красиво бы звучало: майор Онисимов, например.

– Или старшина.

– Ну, на старшину не согласен. Итак, сделаем выступление в газете молодого агронома: колхоз на пороге весны, тактика полевых работ, весенний день, так сказать, год кормит.

Долгополов смотрел на гостя уже без восторга и предвкушения задушевной беседы, какой-то неестественный оптимизм корреспондента был ему неприятен, пропало желание поделиться мыслями и найти понимание.

– Простите, вы всегда так жизнерадостны? – вдруг спросил Долгополов.

Онисимов осекся, даже растерялся:

– Что-то не так?

– Да все не так! – возмутился хозяин кабинета. – Все,

понимаете? О какой готовности к посевной можно говорить, если треть тракторов стоит перед мастерской, а ремонтировать нечем, фондов каких-то нет. Удобрений ни грамма, а правление отказывается даже рассматривать вопрос об их приобретении. За всю зиму проведено несколько занятий механизаторского всеобуча, я посмотрел журнал: темы на уровне ликбеза, а где современность, где новые технологии, где передовая практика?

– Правильно! – горячо поддержал его корреспондент. – До каких пор мы будем плестись в хвосте не только аграрно-развитых стран, но и передовых районов любимой Тюменской области? Давайте напишем об этом.

Долгополов брезгливо поморщился:

– Вам не противно ерничать? Я понимаю, что это темы далеко не районной газеты, но и молчать нельзя. Вот вы пишете о передовиках производства, я читал зарисовки о доярках и механизаторах. А что с ними завтра будет, почему вы об этом не пишете? Завтрашний день невозможен без ломки старого, а вас, кажется, все устраивает, есть с десятков фамилий знаменосцев, и тасуете их, как игральные карты.

Корреспондент присмирел:

– Простите, Юрий Петрович, не ожидал в колхозе имени Макара встретить воинствующего революционера. Я готов записать ваши суждения, впечатления свежего человека, специалиста, но надо будет все это так упаковать, чтобы до выхода газеты никто даже и запаха скандала не заподо-

зрил.

– Почему вы говорите о скандале?

– Потому что хочу развеять вашу надежду на скорую победу нового над старым, как вы изволили выразиться, в отдельно взятом районе. Мы считаемся районом неплохим, но не правофланговым, недавно у нас первый секретарь сменился, так вот знающие люди говорят, что это может вызвать перемены к лучшему.

Юрий улыбнулся:

– Кто эти знающие люди?

– Наши старейшие руководители, им можно верить, они нюх свой развили за послевоенные годы до недозволительного состояния, самую высокую политику предсказывают, не только перемены местного значения.

– А не загибаете вы насчет большой политики?

– Нисколько. Есть свидетели, что еще в сентябре шестьдесят четвертого, за месяц до событий, председатель колхоза Пономарев и директор совхоза Долгушин предсказали снятие Хрущева.

Долгополов улыбнулся снисходительно:

– Тут много ума не надо было, а вот возможности перемен в районе чем обусловлены? Новый секретарь большие связи имеет или родственник Первому секретарю обкома? Кстати, вполне возможно, Щербина и Хмара, с одного местечка в Украине.

– Исключено! – авторитетно заявил Онисимов. – Наш хо-

хол местный, вакоринский, возможно, дальние предки сюда перебрались, их там целая колония. А основания такие. Хмара страшно самолюбив, то есть, не просто самолюбование, а здоровое самолюбие. Должен вам сказать, молодой человек, что я много занимался этим вопросом и пришел к выводу, что самолюбие – черта вполне положительная, до известных пределов, конечно. Именно самолюбие является двигателем общественного и научно-технического прогресса. Да, не улыбайтесь. Почему ученый сутками сидит над чертежами, чтобы придумать новую машину, способную радикально изменить труд? Почему писатель душу свою изматывает над строкой? Да и ваш брат агроном тоже не за голую зарплату сорта новые выводит и технологии всякие придумывает. Чтобы мир удивить, чтобы люди, глядя на его достижение, изумились! Чтобы любимая женщина, которая отвергла его, в слезах раскаялась и просила прощения!

Никита, кажется, перебрал в эмоциях, и Юрий опять снисходительно улыбнулся.

– Теорию твою я поддерживаю. Согласен на ты?

Никита кивнул, вслушиваясь.

– Поддерживаю, вот только не знаю, как ваш Хмара сумеет ее реализовать.

– Ну, во-первых, не ваш, а наш, потому что ты теперь человек пореченский и должен к этому привыкать. Во-вторых, как? – этого пока никто не знает, подозреваю, что и сам Хмара тоже. Но все оставить, как до него было, Хмара ни за что

не согласится. Поживем – увидим. А теперь ближе к теме.

Всего, что наговорил Онисимову агроном колхоза, хватило бы на разгромную статью для «Тюменской правды», если все передать ее местному собкору Филонову, но Никита один раз уже пролетел, когда напечатал в областной газете критический материал о недостатках в строительстве сыродельного завода. После публикации Хмара пригласил его в поездку по самому дальнему совхозу имени Челюскинцев и дорогой ненавязчиво объяснил, в чем состоит его ошибка. Нет, он не отрицал, что все написанное есть правда, но спросил, кто должен исправлять недостатки в строительстве? Конечно, район, конечно, райком партии. Знал райком об этих недостатках? Конечно, знал, причем без помощи корреспондента и задолго до публикации. Тогда почему ничего не изменил? Потому что не мог, и теперь не может. Строительная организация расположена в городе Ишиме, району никак не подчинена, в городе у нее много объектов, за которые горьком жестко спрашивает каждый день. А за Пореченский сырзавод не спрашивает и спрашивать не будет. Что изменилось после публикации?

– А я тебе скажу, что. Во-первых, позвонил Голощипов, секретарь обкома, ведающий вопросами строительства, и дал накачку, что не использую методов партийного влияния на строителей. Во-вторых, пришел начальник ПМК, это строительная колонна, которая работает на объекте, и сказал, что после такого позора он еще одну бригаду снимет.

В-третьих, надо воспитывать в себе чувство патриотизма, не любви к родине вообще, а к своему селу, к своему району.

Онисимов искренне обиделся:

– Почему вы решили, что я не люблю свой район, Григорий Иванович?

Хмара улыбнулся:

– Ты пока что себя в районе любишь. И еще запомни: всю нашу большую Родину любить проще, чем свою маленькую, у которой только ты, возможно, и есть. Я ведь понимаю: престижно напечататься в областной газете, но надо чуть выше смотреть: а что это даст, кроме пятнадцати рублей гонорара?

Онисимов задохнулся от стыда и обиды, уж больно примитивно свел секретарь все к копеечной корысти, а ведь он хотел большего.

– Откуда вы знаете про пятнадцать рублей? – спросил он совсем не к месту.

Хмара опять улыбнулся:

– Хорошим был бы я руководителем, если бы чего-то не знал в районе. Журналист всегда должен задавать себе самый главный вопрос: как отзовется мое слово, что оно принесет? Тогда у тебя не будет чувства неловкости: вроде бы хотел как лучше, а получилось, что в районе не довольны, пользы от материала нет.

Потому от заманчивой рубрики «Размышления агронома» пришлось отказаться, разговор в материале был переведен на уровень постановки всем известных загвоздок пред-

весеннего состояния колхоза: все вроде бы ничего, но чего-нибудь маленьчко не хватает.

– Ладно, – примирительно сказал Долгополов по телефону, когда газета добралась до колхоза. – Ты не унывай, вот отеемся, я подниму свои конспекты, мы такую статью напишем – все ахнут.

Долгополов пришел к Макару Наумовичу с расчетом, что, если объединить всех молодых трактористов, то получится как раз поточный метод работы: один сцеп культивирует, второй боронит, третий сеет и последний прикатывает. Даже для технического обслуживания молодежного коллектива есть вполне не старый механизатор, Юрий с ним уже познакомился и поговорил. Тот не засмеялся над идеей агронома, даже согласился, но сильно усомнился, что ее поддержит председатель.

Выслушав довольно стройное предложение агронома, Чуклеев важно сказал:

– Я слышал, что в Америке Форды и всякие прочие капиталисты даже за самое пустяковое предложение платят доллары, ну, это такие ихние плохие рубли. Вот ежели бы ты у них работал, ты бы только на одних фантазиях сумашедшие деньги зашибал. Я же тебе платить за это ничего не буду, у Фордов деньги от рабочего класса наворованные, а мой рубль колхозный и трудовой, я, может, ещё наоборот, из зарплаты твоей вычту, чтобы в рабочее время делом занимался.

Юрий собрал свои бумажки:

– Макар Наумович, я дойду до райкома, но молодежные звенья будут работать, это я вам твердо обещаю.

– Пойди, там тебе мозги быстро вправят, мы только в жи-

вотноводстве группы телятишек формируем по половозрастным признакам, а ты уж давай людей сгонять.

– Да это же одна из форм воспитания.

– Кого? Веньки Брезгина или Нахрапенка, Фроськой нагуленного? Ты об посевной думай, а на воспитании у нас уже три человека кормятся: партком, местком и учительница по комсомольской линии, правда, она вроде бесплатно.

– Отстаёте от жизни, Макар Наумович, учительница свои полномочия сложила, и перед вами вновь избранный секретарь комсомольской организации колхоза.

Для Макара это было новостью, он даже удивился, как без его согласия решен такой вопрос, а потом передумал обижаться:

– О, да ты далеко пойдешь, если вовремя не остановить. Иди, занимайся делом.

Велико же было изумление Макара, когда ему позвонил секретарь райкома по идеологии Аржиловский и поблагодарил, чего раньше за ним не замечалось:

– Молодец, Макар Наумович, спасибо за поддержку комсомольских инициатив!

Чуклеев оторопел:

– Григорий Сергеевич, я чего-то не понимаю, об чем речь?

– Да вот, узнаю из газеты, что председатель колхоза «Светлый путь» с энтузиазмом поддержал желание своих молодых механизаторов на посевной объединиться в комсомольско-молодежные звенья.

Макар крякнул:

– Это в которой газете, критика и самокритика?

– В сегодняшней. Имей в виду, Макар Наумович, что бюро райкома поддержит ваше начинание.

Макар окончательно растерялся и пролепетал:

– Так оно, Григорий Сергеевич, завсегда, ежели для пользы дела.

«Это как он меня круто обошел? Аржиловский шутить не будет, что газета прописала, а если действительно, райком поддержит, а я тут критику и самокритику. Агрономишко-то с прицелом парень, голой рукой не возьмешь, молодец, только за таким глаз да глаз нужен».

– Фрося! – позвал секретаршу. – Почта придет – все сразу ко мне в кабинет.

Так и есть, в районной газете напечатано большое интервью с главным агрономом колхоза Долгополовым, вопросы задавал этот шелкопер Онисимов. Ага, вот он выходит на председателя: «А как к вашей инициативе относится председатель колхоза Чуклеев?». И агроном нагло врёт, что «Макар Наумович всячески поддержал и одобрил начинание и обещает всемерную поддержку». Да за такие слова... Но чуть ниже напечатано постановление бюро райкома комсомола о поддержке инициативы молодежи колхоза и намерении применить такой метод организации труда в других хозяйствах. Макар вытер вспотевшую лысину. Дурацкое положение! Как себя вести? Всыпать агроному уже не удастся,

прилепиться к инициативе тоже не с руки. Ладно, не будем гнать лошадей, посмотрим, что будет завтра. Если честно, у него и без комсомольских игрушек голова кругом идет.

Весенние полевые работы начались со скандала. Все уже привыкли, что Макар Наумович первым выводил на поля агрегаты с боронами, ранее весеннее боронование, и имел для этого все основания: несколько прогонистых увалов вдоль трассы на Ишим вперед других полей освобождались от снега и быстро высыхали. Утром он позвонил в редакцию:

– Никита? Мы сегодня начинаем раннее весеннее боронование, как всегда, первыми в районе. Не желаешь репортажик сварганить? Я подошлю Володю на «Волге».

Когда Онисимов подъехал к полю, картина была более чем грустная: на развороте трактор буксонул и по самую раму зарылся в разопревший грунт. Тракторист Клим Акиньшин ходил вокруг и матерился, сказал, что Чуклеев отменил съемку и уехал в «Сельхозтехнику» за мощным С-100, чтобы вытащить агрегат: неловко, поле у самой дороги на Ишим, десятки машин проходят, разговоры по району пойдут. Но у Никиты было свое мнение:

– Клим Феоκлистович, ты механизатор старый, такими случаями тебя не удивишь, но факт остается фактом: ты первым в районе выехал на подборонку, а как оно у тебя получилось – это совсем другой репортаж. Так что поправь кепочку, улыбнись, так, снято. Теперь на фоне трактора. Да не смотри ты, что гусеницы в грязи скрылись, мы их обрежем. На-

род надо мобилизовывать, понимаешь? Увидят завтра твой портрет в газете, все трактористы попрут к руководству: почему не бороним? «Светлый путь» может, а мы нет? Этому учит нас партия и правительство и первый секретарь райкома товарищ Хмара.

– Ты какой-от разговорчивый сегодня, – усмехнулся Клим Феоклистович. – не схлопочешь за мой грех?

– Обойдется, только ты ни слова Макару, что я снимал, а с Володей я сам договорюсь.

Ничего не сказав в редакции, он отдал фотокорреспонденту пленку для проявки, сам напечатал снимки, и к обеду сдал репортаж. Редактор похвалил за оперативность и велел крупно поставить на первую полосу.

Уже в десять часов следующего дня в редакции дым стоял коромыслом. Хмара, оказывается, всю эту историю знал, газетный репортаж вызвал у него настоящий гнев, он позвонил редактору и после традиционного «Здравствуй, Хмара!» отсчитал, как он это умел делать. Немного пришедший в себя редактор вызвал Никиту и всыпал ему, но не так внушительно, потому что не знал деталей. Онисимов сделал обиженное лицо, ходил по кабинетам с газетой в руках и всем показывал, как красиво смотрится Клим Феоклистович на фоне чистого неба.

Хмара родился и работать начинал в родном Вакоринском колхозе, и отлучался из района только по большой нужде, один раз на Великую войну, второй на учебу в Новосибирскую партийную школу. А давно ли вернулся? Как время идет!

...После вчерашнего застолья голова слегка шумела, постукивало в висках, диплом партийной школы, ради которого пять лет изучал науки, в последний день достался очень тяжело. Всем выпуском сидели в ресторане, тосты, музыка. Он давно столько не выпивал, с самой Победы, когда от кружки водки не мог отказаться самый убежденный трезвенник. На фронте свои сто грамм отдавал ребятам, тем, кто покрепче, кто не сорвется, не подведет. А тут расслабился.

В комнате стоял крепкий мужской храп. Григорий вышел в коридор общежития, по давней привычке сделал несколько упражнений, разогнал кровь, умылся холодной водой, основательно растерся грубым полотенцем. Вернулся в комнату, достал большой фанерный чемодан с протертым на углах дерматином, уложил свернутый выходной костюм, сшитый из привезенного при демобилизации германского бостона, две рубашки, взялся за книги и остановился. Книг много, в последний год учебы он выкраивал по две десятки из стипендии и дополнительного заработка, заходил в магазин по-

литической книги, и симпатичная продавщица Симочка заворачивала в серую бумагу новинки: избранные произведения классиков марксизма-ленинизма, работы по сельскохозяйственной экономике, философии, политэкономии. Другая беззлобно подсмеивалась над ним, но шутить перестали, когда старый профессор на экзамене поставил слушателю Хмаре пятерку и заметил, что удивлен его познаниями, поскольку они далеко уходят за пределы учебной программы. Федя Поволоков тогда вполне серьезно сказал:

– Гриша, помяни мое слово, быть тебе большим партийным работником. Я за три года всех ребят изучил, и все мы назьмом ляжем для твоего роста.

Хмара тогда искренне обиделся и рассердился:

– Поволоков, прекрати эти разговорчики, мы все носим партийные билеты одного цвета, и у всех одинаковые возможности.

– Насчет возможностей ты прав, только надо еще и способности иметь.

В дверь осторожно постучали, поскребли пальцами по облупившейся краске фанеры, так делали дежурные вахтеры, когда надо было кого-то вызвать, а в комнате в любое время могли быть отдыхающие. Хмара вышел.

– Вас приглашают в школу, к Лапенковой.

– Хорошо.

Значит, Лапенкова будет настаивать. Перед вручением дипломов она раскрыла все карты:

– Григорий Иванович, я предлагала вам остаться заведующим учебной частью института. Возможно, вас не устраивает должность. Тогда слушайте. Вчера меня пригласил Первый, я перехожу в аппарат обкома. Когда Горячев спросил о замене, я предложила вас на должность директора института.

Хмара был явно смущен таким поворотом дела. Да, два учебных года он совмещал учебу и работу завучем вечернего института марксизма-ленинизма при партийной школе, даже семью отправил на родину, чтобы освободиться от лишних забот. Да, ему нравится эта работа, преподаватели и слушатели люди высокообразованные, увлеченные, с ними легко, интересно. И первый секретарь обкома Горячев тоже бывший тюменец. Но...

Он тогда отказался решительно, кажется, София Андреевна поняла, улыбнулась и сказала, что не прощается. Сегодня, видимо, хочет в последний раз попытаться убедить.

Она встретила его в приемной, пригласила в кабинет. Хмара ничего не мог прочесть на ее лице, так молодая женщина умела прятать свое настроение. За год постоянного общения он ни разу не видел ее другой – взволнованной, радостной, раздраженной, всегда ровная, хорошо одетая, волосы гладко зачесаны, смотрит прямо в глаза при беседе, не оставляя никакой надежды уйти от прямых ответов. Такой тип женщин он уже научился относить к профессиональным партработницам, не мог представить Лапенкову на кух-

не за плитой или, например, на пляже... Вот и сегодня она гостеприимна и официальна.

– Как отметили завершение учебы, Григорий Иванович?

– Спасибо, София Андреевна, нормально отметили, отсыпаемся.

– Я вас подняла? – она взметнула глаза, и Хмара заметил в них усмешку.

– Нет, я уже собирал вещи.

– Знаю, что вы не любитель выпивки. Не удивляйтесь, я многое про вас знаю, иначе не стала бы так энергично настаивать. Я опять о своем предложении. Тюменский обком не прислал своего представителя на распределение выпускников, это дает вам полное право самостоятельно трудоустроиваться. Вы хотя бы с этим согласны?

– Конечно.

– Тогда в чем причина отказа? Подождите! – Она остановила его. – Будучи директором института, вы имеете полную возможность защитить кандидатскую степень. Квартиру получите сразу. Перспектива роста – лучше не бывает. Почему вы отказываетесь? Другой бы ухватился за такую возможность.

Хмара чувствовал себя крайне неловко, настойчивость Лапенковой его смущала, отказ, действительно, трудно понять со стороны, но ему все было ясно.

– Григорий Иванович, объясните, вы семью почему отправили домой? Только честно.

– А я иначе и не умею, София Андреевна. Семья – это мой якорь, гарантия, что вернусь в родной район, буду там жить и трудиться.

– У вас есть конкретное предложение по должности?

– Да.

– Если не секрет?

– Какие между нами могут быть секреты, София Андреевна? Партийная работа.

– Я так и знала! Значит, наше сотрудничество отменяется раз и навсегда?

– Спасибо, София Андреевна, но я еду домой.

Она встала, подошла к окну, недолго молчала, потом резко повернулась к нему.

– Дурень ты деревенский! Прощай.

Хмара пожал ее маленькую руку, и ему показалось, что она дрожит. Закрыл тяжелую дверь, вышел на воздух.

Весна буйствовала на улицах города. Конечно, тут ей воли мало, ни леса, ни луга, где можно развернуться, щедро украсить землю, кинув бездумно россыпи ветродуев и одуванчиков, налепив по кустам бутоны черемухового и сиреневого цвета, чтобы задохнулся человек запахом новой жизни и весенних желаний. Но и тут озорует природа, из сквера несет прелой листвой и едва уловимым ароматом свежей поросли, созданные садовниками безобразные геометрические фигуры кустиков неудержимо рвутся к естеству, во все стороны разметав юные побеги и нарушив установленную человеком

строгость форм.

Ранним утром Хмара открыл дверь кабинета первого секретаря Пореченского райкома Стрекалёва, отсюда три года назад он вышел с рекомендацией на учебу в ВПШ. Стрекалёв крепко пожал ему руку.

– Поздравляю с окончанием. Когда прибыл?

– Только вчера.

– Значит, завтра в обком, уже звонили.

– Зачем, Федор Яковлевич?

Стрекалёв засмеялся.

– За назначением, конечно.

Хмара тоже улыбнулся.

– Я уже давно получил свое назначение, и вы о нем знаете. Это родной мой Пореченский район, так что определяйте рабочее место.

Стрекалёв перестал улыбаться, переспросил:

– Ты это серьезно? Никакой работы дать не могу, поскольку ты в резерве обкома, и он командует выпускниками высшей школы. Или ты обиделся, что не приехали на распределение? Тогда брось!

– Обиды нет, Федор Яковлевич, но это повод, чтобы основательно настаивать на работе именно в своем районе, который и направлял меня на учебу. Я же старался, вот, посмотрите, в ведомости одна четверка, остальные «отлично». Зачем поеду в чужой район, кому я там нужен?

Стрекалёв закурил, пустил столбик густого дыма.

– Григорий, я знаю тебя как человека серьезного, дурака ломать ты не будешь. Не хочешь в другой район – это твое право, но в обком на беседу ехать надо. К тому же нет у меня вакансий, нету!

Хмара собрал со стола документы и положил в карман.

– Я ведь не должность прошу, а работу. С какой поры в районе работы не стало, Федор Яковлевич?

– Ох, и влетим мы с тобой, дорогой ты мой! Ладно, беру партийный грех на свою душу, там еще место есть, пойдешь инструктором-организатором на Ильинский и Дубынский совхозы. Согласен?

– Конечно.

– А в обком все-таки надо бы съездить.

Галина с субботнего раннего утра стала заглядывать в окошки: не появится ли Григорий? Инструктор-организатор только числился при райкоме, а работал в хозяйствах, где ночевал, что на обед было, да и обедал ли – о том она не спрашивала, с первых дней совместной жизни он попросил о служебных делах даже не заикаться. Она женщина понимающая, только нет-нет, да и куснет сомнение: а где же он ночует, или завел какую? Потом одумывалась: Гриша этого не допустит, Ниночка у них и Гриша, разве променяет? Да и партийной совестью дорожит, не допросишься, чтобы кусок мяса привез из совхоза. Вон в Дубынке какой курятник, говорят, райкомовские специально ездят туда за свежими яйцами, да что говорят – ей тоже предлагали, и она в очередной его приезд спросила согласия, ну и получила. «И думать не смей, не хватало, чтобы мне эти яйца боком вышли. Кто берет – пусть, а ты не моги. Есть у тебя пяток курочек, договорись с петушком, чтобы почаще их веселил, вот тебе и весь желток всмятку».

В субботу Григорий приезжал домой, парился в бане, разбирался со школьными делами ребятшек. Суббота – официальный день приезда, на местах надо быть «от бани до бани», но случалось и среди недели погостевать в своей семье, если вызовут в райком по какой надобности.

В этот раз за поздним ужином он сказал жене:

– Завтра меня не буди без нужды, в понедельник утром к Стрекалёву приказано явиться.

– А не сказали, зачем, Гриша?

– Не сказали. Ты слышала, что районы делят, Сладковский в прежних границах восстанавливают. Возможно, о новой работе пойдет речь.

Галина с грустью на него посмотрела:

– Опять ехать неизвестно куда? Гриша, тебе уж под сороковник подpiraет, сколько мы избушек по району обжили... Пусть они успокоятся. Ребятишки опять же к школе привыкли.

Василий засмеялся:

– Ты уговариваешь, будто меня спросят, если потребуюсь. Помнишь, как в Пешнево инструктором по зоне МТС направили?

– Ой, так и направили! Мне говорили потом, что ты сам напросился. Ведь сам?

– Вот дура-баба, а тот, кто тебе это сказал, еще глупее. Не напросился я, а предложение внес, как мне участвовать в выполнении решений Пленума ЦК об укреплении парторганизаций МТС.

– Избушку нам тогда председатель колхоза отвел бросовую, ни окон, ни дверей, целую неделю ее в порядок приводили.

– Да, но ведь жили?

– Жили. А когда в Поречье перевели парторгом МТС, что тебе Ратушняк сказал про жилье? Корову поставишь на колхозный скотный двор, сено сюда же привезешь, а самого в хомутную избушку привел: живи, партийный секретарь! А у нас дети.

– Ратушняк молодец, честно сказал: «Нету, кажу, у меня квартир, поживи пока в хомутовке». Я те боронные зубья, на которые конюха хомуты вешали, никогда не забуду. На совесть вколачивали их мужики, не думали, что избушка партийным особняком станет. А какие квартиры мы потом строили – красота, с прихожей, с пригончиком, с банькой.

– Не соглашайся, Гриша!

– Ладно тебе, еще ничего и не предлагали. А ты не подумала, что меня вообще могут турнуть с партийной работы, ведь я так и не явился в обком? То-то!

Стрекалёв выглядел сильно уставшим, озабоченным, Хмару встретил сухо, предложил сесть. Долго говорил с директором совхоза Долгушиным по телефону, Григорий ругнулся: нашел Вениамин время позвонить! Положив трубку, Стрекалёв испытующе посмотрел в глаза собеседнику:

– Догадываешься, зачем пригласил? Нет? Должен тебе сказать, что отрыгнулась мне крепким внушением от Щербины твоя строптивость. Со Сладковским районом делимся кадрами, второй секретарь и председатель райисполкома уедут туда, я предложил обкому твою кандидатуру на второго. – Он помолчал. – До Щербины никто не давал окончательного решения, перестраховщики хреновы. Пришлось говорить лично с первым. К худу ли к добру, но он тебя помнит, исключительно, видимо, негативные впечатления. Мне сказал: решай сам, тебе с ним работать. Так что буду рекомендовать пленуму без официального направления обкома. Доложу тебе, случай беспрецедентный в партийной практике.

Через день приехал заведующий организационным отделом обкома Степанов, после обсуждения кандидатур со Стрекалёвым собрали первое заседание оргбюро. Степанов сухо сказал, что первого секретаря рекомендуется оставить в должности, вторым предлагается Хмара, по третьему вопрос в стадии решения.

Хмара встал:

– Есть предложение выдвинуть секретарем райкома редактора газеты товарища Аржиловского. Очень грамотный человек, имеет авторитет в районе.

Степанов помрачнел:

– Товарищ Хмара немного опережает события, его кандидатура еще вилами по воде писана, а он уже кадры комплектует.

Григорий вскипел:

– Товарищ Степанов, я вхожу в оргбюро и работаю в нем вне зависимости от того, выберут меня или нет. Аржиловского предлагаю не из личных симпатий, хотя и они есть, а исходя из объективной характеристики. И не надо намекать насчет воды и вил, я ничем себя не скомпрометировал и думаю, что дальше Поречья меня все равно не пошлют, а ниже инструктора ставить смысла нет.

Стрекалёв аж привстал:

– Хмара, лишаю тебя слова! А кандидатуру Аржиловского предлагаю внимательно изучить.

Всю жизнь на земле, рядом с теми, кто ее пашет и засеивает, кто собирает урожай и сдает народно-хозяйственные планы. С молодых лет много книг прочитал, статей в журналах, с умными людьми доводилось общаться, больше молчал, слушал. Что Сибирь – зона рискованного земледелия, знал, только выпадали годы, когда и тут хлеба родились на диво, и факт этот ставил рискованность в зависимость от каких-то конкретных обстоятельств. От каких – надо анализировать и обобщать.

Курган вот рядом, и работает там бригадиром-полеводом колхоза народный академик Терентий Семенович Мальцев, который получает по двадцать пять центнеров зерна с гектара, а мы и половину того считаем удачей. Григорий нашел на своей этажерке две книжки Мальцева, еще раз пролистал. Да, нелегко, видно, приходится академику, если и он не волен сам решить, когда и какой земле можно дать отдых, чистых паров и ему не дозволено иметь. Безотвальная вспашка у нас тоже применяется, Григорий еще по целине знал о ее преимуществах. Мальцев постоянно подчеркивает, что самым важным фактором урожайности для Сибири и Зауралья была и остается влага, вроде бы резиновые сапоги никогда далеко не прячем, а в нужное время хлебу водички не хватает.

Стрекалёв вернулся из Тюмени с совещания по весеннему севу, пригласил Хмару.

– Проверь еще раз готовность к посевной, съезди в два-три хозяйства. И на субботу назначай районное совещание, надо довести установку обкома по срокам сева.

– Опять ставка на ранние?

– Ну, это мы с тобой обсуждать не будем, потому как права не имеем, в прошлом году без малого тысячу гектаров под снег пустили, ждали, когда зерно созреет. Ранний сев – ранняя уборка.

Стрекалёв закурил, со вкусом затянулся, Григорий едва не улыбнулся: красивый у нас секретарь! Высокий, крепкий, шевелюра седых волос, до синевы выбрит, голос густой, взгляд цепкий.

– Федор Яковлевич, прошу вашего согласия на поездку в Курган, там Мальцев проводит большое совещание. Послушаю, а после проведем свое. Считаю, полезная будет поездка.

– Разговор об этой агрономической конференции был, но нас никто не приглашал, как ты поедешь?

– Это все решимо, если вы не против.

В Кургане у Хмары больших проблем не возникло, его внесли в список приглашенных, дали место в гостинице, снабдили материалами. Он впервые слышал разные мнения ученых об особенностях земледелия Зауралья, о тактике проведения нынешнего весеннего сева, впервые был свиде-

телем острой дискуссии, блокнот его быстро заполнялся.

Выбрав подходящий момент, он подошел к Мальцеву, представился:

– Терентий Семенович, ваше мнение очень важно для нас, особенно по срокам сева. Можно ли ваши рекомендации целиком перенести на тюменское поле?

Мальцев строго на него посмотрел:

– Если бы все было так просто... Тут мы толкового разговора не составим, коли желание есть – приезжайте ко мне в колхоз, покажу и расскажу все, как на духу.

– Можно сразу после конференции?

– Можно.

На опытной станции при колхозе, в которой несколько десятилетий работал ученый, Хмара увидел снопы пшеницы яровой и озимой, овса и ячменя с небывалым колосом, потрогал корешки журналов наблюдений полувековой давности, перебирал на ладони семена неведомых сортов. Во всем была какая-то тайна, Григорий удивлялся ей и боялся упустить, боялся, что она ни чуть не откроется ему, он уедет, чтобы безответно спрашивать себя, почему одни знают, а другим не дано.

Мальцев снял чуть подмокший на раннем весеннем дожде простой брезентовый плащ, поправил гимнастерку под узеньким ремешком, пригладил редковатые волосы.

– Что насмотрели, молодой человек? В поле бы надо, да еще рано, спит оно, так что будем говорить с ним заочно. Вы

мне о своем районе расскажите.

Василий посетовал, что земли у нас небогатые, слабоват технический парк, потому с посевной и уборочной кампаниями затягиваем, в лучшие сроки не укладываемся.

– Какие сроки сева вы считаете лучшими? – спросил Мальцев.

– По наблюдениям, декада с пятнадцатого по двадцать пятое мая.

– Тут мы с вами сходимся. У нас и в Северном Казахстане июнь, как правило, суховейный, а июль дождливый. Не зря в народе говорят, что дождь не когда просят, а когда косят. Мы, к сожалению, не можем сделать так, чтобы помочило в начале июня, правда? Значит, и агротехнику надо так строить, чтобы этот познанный фактор использовать для урожая. Согласны?

– Конечно.

– Кроме того, ранние посевы в сильнейшей степени забиваются однолетними сорняками, особенно овсюгом. Есть такое?

– Частично есть, – улыбнулся Григорий.

– При раннем севе зерно в холодной почве долго не даст всходов, часть семян погибнет, посевы получатся изреженными. Надо выбрать такой срок сева, при котором пшеница в молодом возрасте легко пережила бы июньскую засуху и основное развитие начала в июле, когда нехватки влаги уже нечего бояться.

– Терентий Семенович, бывает, что мы с пшеницей уходим в конец мая, лето она хорошо переносит, но не вызревает, хлеба все равно нет.

– Да, одними сроками сева урожайность не отрегулировать, хотя и в этом простом деле у крестьянина свободы нет. До сих пор не могу понять, кто втемяшивает в головы нашего руководства дурные мысли о раннем севе? На меня ведь тоже давят, весной по сводке колхоз «Заветы Ленина» в самом хвосте, вот и дергают телефоны, а то и уполномоченный приедет. Был такой случай: я сказал председателю, что раньше семнадцатого мая сеять не буду, собрал на пересменке трактористов, попросил, чтобы любой причиной прикрылись, но не выезжали без моей команды. А сам спрятался, в полном смысле. Район жмет, председатель не вытерпел, велел засыпать семена в сеялки. А трактористы не едут. Что вы думаете – милицию вызвали. Слышу – плохо дело, рассекретился, первому секретарю обкома позвонил, тот вмешался, отстали. Ну, конечно, работали день и ночь, трактористы с сеяльщиками на ходу менялись, но уложились, хлеб хороший собрали, вполовину больше, чем по району. На совещании меня в президиум посадили, просят поделиться опытом. Я тогда сказал, что надо перестать командовать крестьянином, и все будет. Не понравилось!

– Терентий Семенович, а правда, что вы с товарищем Сталиным вступали в полемику?

Мальцев тихонько засмеялся, прикрыв лицо руками.

– Со Сталиным в полемику? До этого не дошло, но ответил я на его реплику резко, сам не ожидал. Пригласили меня на пленум ЦК и предложили выступить, это вскоре после войны. Текст я написал, проверили, поправили. Посмотрел на распечатку, и хоть не выступай, все мои мысли выхолостили. И решил: скажу, как думаю, потом хоть не рассветай. И сказал. Про бедность деревенскую, про хлеба скудные, сказал, что Зауралье может два плана зерна давать, но для этого надо пятьсот новых тракторов. Сталин переспросил, я повторил: пятьсот. «А больше вам ничего не надо, товарищ Мальцев?». Я повернулся к президиуму: «Нет, – говорю, – товарищ Сталин, и на том спасибо». Нехорошая тишина тогда была в зале, но Сталин несколько раз ударил в ладоши, бурные, как говорится, аплодисменты.

– А потом? – не удержался Григорий.

– Пятьсот тракторов область получила, а я в ту весну в обкоме собственноручно прогнозы писал, сроки сева указывал цифрами и прописью. Отвечать надо за свои обещания. Ничего, обошлось, давали по два плана, пока цифры не увеличили. Но вернемся к сегодняшнему дню. Нам до зарезу нужен сорт неполегающей яровой пшеницы. Больно смотреть, как ветер с августовским дождем рослый посев превращает в сплошной ковер. Шел рекордный урожай, да поминай, как звали. Тут тебе и ржавчина, и зерно шуплое. Не помню случая, чтобы хлеб с буйным травостоем созрел у нас стоя. Селекционная наука наша отстает, много формализма, оч-

ковтирательства, я на пленуме ЦК об этом говорил, Хрущев тогда поддержал, но ничего не изменилось.

Терентий Семенович заботливо спросил:

– Чаю хотите? Мне настоящий индийский привозят, злоупотребляю авторитетом.

«Сколько же ему лет? Наверно, больше семидесяти, но как рассуждает, какие наблюдения! Академик, а руки крестьянина, жилы набухли. – Хмара улыбнулся своим мыслям. – И гимнастерка все та же, под ремешком, как на фотографиях. Молодец!»

Горячий чайник, две чашки и заварник принесла молодая женщина, а Мальцев пришел с папкой газетных вырезок.

– Тут мои статьи и выступления по крестьянским делам, я их положу в сумку, ночевать будете у меня, вечерком почитаете. Теперь продолжим. Как у вас с парами?

– Почти никак, планы выдавливают пары, за каждый гектар первый секретарь отвечает лично.

Мальцев налил себе чашку свежего чая, откусил краешек комкового колотого сахара.

– Я вприкуску люблю, благо зубы позволяют. И вы пейте, очень хороший чай.

С минуту они молча наслаждались чаем. Поставив чашку в блюдце доньшком вверх, хозяин продолжил:

– Партийная забота хороша, когда уместна, плохо, если она становится мелочной опекой. Я писал Хрущеву, потом Брежневу: уберите весь список показателей с колхоза,

оставьте только реализацию продукции, и крестьяне, то есть, колхозники, быстро поймут, что они хозяева своего труда и его результатов, что нам сегодня крайне необходимо. Брежнев поддержал, сообщил, что дал команду провести такой эксперимент не на колхозе, а на всей Курганской области.

– И что? – Хмара напрягся.

– Ничего. Не могу концов найти, затерли бумагу. Я все хочу в глаза посмотреть тому, кто придумал выражение «занятый пар». Кому очки втираем? Если земля занята, это уже не пар. Впрочем, надо помнить, что самый эффективный прием, будь то выбор срока сева или лучшие сорта, не может гарантировать успех в борьбе с капризами природы. Помочь крестьянину может только комплекс приемов, в сумме именуемый культурой земледелия. Вы согласны с этим?

– Полностью, Терентий Семенович.

– Вам какое поле больше нравится: черное, зеленое от всходов или золотое осеннее? Не смущайтесь, я не хотел этого. Мы с вами говорим об агротехнике, а на первом месте все-таки стоит человек, крестьянин. Не тот пахарь, кто пашет, а тот, который любит свою пахоту. Пахать многие могут, а вот любоваться не всякий способен.

Полный добрых впечатлений и глубоких раздумий после утреннего чая выехал Хмара домой. Весна изгоняла с полей последние одёнки снега, озера, каких много встречалось на его пути, вспучили бурый неприглядный лед, березовый

лес потемнел, но весело потемнел, не хмуро, готовясь брызнуть зеленью почек. Всякая низинка полна воды, зябь черна, невспаханные поля смотрят укором.

«Какой сев нынче будет, какое лето – никто не может уверенно сказать. Старик вот тоже разные варианты обсуждает. Но у него на всякий природный чих свое здравствуйте есть, техникой колхоз обеспечен по потребности, не то, что мы. И это правильно, потому мы к нему идем за советом, а не он к нам».

В полудреме привиделись картины детства, родное Вако-рино, друзья.

Перед Новым годом эта весть всполошила всю деревню: вчера школьники возвращались из Копотиловой, и встретила их по дороге стая волков. В это время у них свадьбы, ладно, что самка не обратила внимания на детишек, а то порвали бы звери. От Копотиловой до Вакорино без малого двадцать километров, дороги почти нет, изредка казахи на лошадах друг к другу в гости проедут, только след и остается в застывшем снегу. После праздника собрались отцы в бригадной конторке, договорились, что по очереди будут сопровождать детей.

– Ружье надо.

– Есть у меня бердана, в волка навряд ли попадешь, а шуму много.

– И лошадку бы надо выделить, в один день в оба конца по бездорожью не сходишь.

Колхозный бригадир посуровел:

– Лошадь не могу дать. Не положено.

– Одумайся, что ты несешь! – Евлампий Сидорук аж поблагровел. – Колхозные же ребятишки.

– Я за лошадой отвечаю, а не за ребятишек! – Бригадир хлопнул ладонью по столу.

Счетовод Иван Хмара перехватил руку:

– Не сокотись, Петрович, лошадь выделишь, а я трудоднем мужикам эти поездки проведу, и собрание утвердит. – На ухо шепнул: – Тебя чуть не прокатили на собрании, а будешь поперек – прокатят, опять вилы возьмешь и на ферму.

Возымело, каждую субботу кто-то из мужиков уезжал в Копотилову и сопровождал ребятишек. Сложив котомки в сани, они гуськом шли за подводой.

В конце учебного года всем вакоринским школьникам было наказано забрать в Копотиловской школе документы, обществом решили перевести детей в Михайловку, тут поближе, да и колхозные сливки на Ченчерский маслозавод через эту деревню возят, продукты можно отправить и на выходные всю компанию сопроводить.

Михайловские не особо дружелюбно встретили новеньких, в первый же день после занятий налетели на мальчишек с криками: «Бей хохлов!», тумаками обменялись, когда чей-то окрик остановил сорванцов. Ровесник, но крепкий паренек, парочку оплеух отвесил своим же, развел драчку.

– Сказано было с утра: не трогать, дразнить тоже нечем, они хоть и хохлы, но наши.

Подошел к мальчишке, который наклонился у плетня и пережидал кровь, капавшую из разбитого носа.

– Ты откинься на спину, скорей присохнет. Как зовут?

– Гришка.

– А я Ванька, Ермаков фамилия. Полежи. – Сам присел

рядом на корточках. – Скажи своим, что больше никто не тронет, наши вообще-то не драчливые, видно, нынешним днем на солнце пятна.

– Кто на солнце? – переспросил Васька.

– Возмущение в природе, я читал, пишут, что на психику действует, дураком человек делается.

Васька приподнялся на локоток:

– Ермак, который на диком берегу, тебе не сродственник?

Иван небрежно пожал плечами:

– В своих, должно быть, фамиль так просто не образуется.

Твоя какая фамилия?

– Хмара.

– Это по-каковски?

– А я знаю?

– У бати спроси. А вообще-то надо бы в книгах поискать, есть такие, в которых каждое слово разъемачено. Ну, ладно, нос присох, пошли. Ты где на квартире стоишь?

– У бабки Алферихи.

– В соседях будешь, только с бабкой тебе не повезло, ведьма. Я к ней в огуречник нынче залез, а она с дрыном поджидала, исполосовала мне спину, до тех пор драла, пока через плетень не перескочил. – Ваня весело засмеялся. – А дома мать добавила, со всех сторон бедному Ваньке прибыль!

Закончился год, в колхозах и совхозах подводили итоги, готовились к очередной районной партийной конференции. Прошел слух, что Стрекалёв уезжает из района, и не ясно, кого рекомендуют на его место. Хмара только что стал вторым, да и в обкоме на него зуб имеют. Больше склонялись к тому, что привезут со стороны. Долгушину этого очень бы не хотелось.

– Ну-ка, Владимир Тихонович, переубеди меня. Мы тут родились, полжизни положили, а в район руководить присылают чужого человека. Правильно это?

Парторг кашлянул:

– С точки зрения расстановки партийных кадров – правильно. Обкому виднее.

– Виднее! А у нас, получается, неважное зрение? Вот у тебя есть конкретное предложение по первому секретарю?

– Нет. Хмару не будут рекомендовать, своенравных не любят, Терехова тоже навряд ли, а других нет.

Разговор с Головачевым окончательно расстроил Вениамина. За пять лет работы директором крупнейшего в области совхоза он только-только почувствовал, что меняется отношение к деревне. Промышленность начала осваивать новую технику, отпускают деньги на строительство животноводческих помещений, даже на жилье и соцкультбыт да-

ют. Все приходится делать самим, хозяйственным способом, в районе нет приличной строительной организации, некому толково заниматься механизацией ферм. Нужен хороший хозяин, который бы переживал за район, как он, Вениамин Долгушин, переживает за Ильинский совхоз, чтобы бился за него в области, а не довольствовался тем, что распределят.

Вениамин близко к сердцу принял грядущие перемены, в голове снова появился знакомый и неприятный шум, который сопровождал его в последнее время, особенно досажая ночами, когда сна не было. Здесь он родился, после семилетки окончил курсы трактористов при Ильинской МТС, работал, четыре года отслужил на Тихоокеанском флоте, там же в партию вступил, после демобилизации поступил в Ишимский сельскохозяйственный техникум, ходил в механиках и бригадирах, пока Стрекалёв не заставил оформиться в Омский сельхозинститут. Приехал, вызвал в контору, парторга Головачева с директором Никитиным отчистил за невниманье к молодежи, а Вениамину велел тут же написать заявление и взять отпуск для подготовки к экзаменам.

Себе на удивление, учился с интересом, все экзамены сдавал на пятерки, красный диплом получил. К тому времени был уже главным инженером совхоза. Вечером, после защиты диплома, получил телеграмму от Стрекалёва: «Поздравляю с отличной защитой», удивился, откуда он знает? Оказалось, по Всесоюзному радио передали информацию об очередном выпуске инженеров Омского сельхозинститу-

та, в числе отличников назвали фамилию инженера Ильинского совхоза. Это ему потом парторг Головачев рассказал.

А вскоре Никитина перевели на повышение в соседний район, и Долгушин стал директором. Жена Тамара сказала тогда:

– Все, совсем закончилась семейная жизнь, я без мужа, дети без отца, а ты с родным совхозом в обнимку.

А ведь Тамара была почти права, он уходил рано что зимой, что летом: посевная, сенокос, уборочная, утренняя дойка, ночная пастьба, возвращался вечером, в полевые кампании поздней ночью. Совхоз сеял почти двенадцать тысяч гектаров зерновых, скота на фермах больше трех тысяч, каждый день всплывал с десятков вопросов, требующих его решения. Он по старой памяти мог сбросить пиджак и вместе с трактористом искать причину плохой работы двигателя, мог проверить норму высева семян, отрегулировать глубину вспашки, установить угол атаки лап культиватора. Больше всего он любил сесть за штурвал комбайна, пока механизаторы торопливо обедали, и объехать пару кругов, а потом поморгать фарами, чтобы подбежал грузовик, и выкачать в его кузов свой бункер зерна. Механизаторы знали эту его слабость, всякий раз кто-то из старших предлагал:

– Ну-ка, Семеныч, разомнись.

Нет, не разминался он, а душу отводил, молодость вспоминалась, когда высокая пшеница покорно склонялась под крылья мотвила, молча поддавалась ножам и единой мас-

сой по ленте транспортера сползала на свою же стерню, укладывалась в высокий валок, подставляя ветру и солнцу недозревшее еще зерно в тугих пеленах колосьев. А через несколько дней сюда придут другие комбайны, с подборщиками, и он все равно успеет намолотить свой бункер, любуясь, как ненасытно заглатывает комбайн серую ленту валка, прислушиваясь к ровному грохоту молотильного барабана, дожидаясь, когда вспыхнет на панели лампочка: бункер полон.

На ветру встряхивал пиджак, чистил брюки, довольно вытирал полотенцем примаранные руки.

– Да, эту технику с нашей не сравнить. Представляешь: трактор тащит комбайн, два движка работают, копнитель для соломы сзади. Производительность – пятая часть от сегодняшней.

– И как вы управлялись, Вениамин Семенович? – спросит кто из молодых.

– Работали, пахали так, что лемехагнулись! До ноябрьских праздников молотили. И сравнивать нечего, сеяли меньше, урожайность ниже. Вам такую технику государство дает, работайте, молодежь, двигайте сельское хозяйство.

Хмара вернулся с партийного собрания в колхозе имени Чапаева, в кабинете пролистал блокнот с записями предложений и замечаний выступающих, сделал пометки в рабочей тетради. Обычные пожелания простых людей, думающих жить и работать, о большом строительстве говорят, просят помощи района. Но ему в своем выступлении пришлось признать, что район окажет поддержку только финансированием, хозяйству надо еще полнее использовать свои возможности, хотя председатель Хевролин и без того не дремал. Григорий знал его еще по комсомолу, когда Николай был первым секретарем райкома, ему нравился крепкий немногословный парень, ставший потом парторгом и уже во время учебы Хмары в партийной школе избранный председателем колхоза.

Вошел Стрекалёв, спросил, как прошло собрание, закурил, глазами поискал пепельницу, некурящий хозяин достал ее из-за шторы с подоконника.

– Ты извини, что курю у тебя. В общем, так: сейчас состоялся разговор со Щербиной, мой вопрос решен окончательно, из района уезжаю. Первым предложил тебя. Как ты к этому относишься?

Чуть смутившись, Хмара ответил:

– Нормально.

– Готовь предложения по второму и третьему секретарям, завтра все надо оформить, послезавтра быть у Щербины на беседе. Пепельницу убери, я докурю у себя.

Утром разговор продолжили.

– На второго буду предлагать Хевролина Николая Петровича, думаю, у вас нет возражений.

Стрекалёв засмеялся:

– У меня-то нет, но беда в том, что меня и не спросят, а тебе скажут, что не проходит кандидатура. Невиданный это шаг в решении кадровых вопросов, чтобы с хозяйства сразу на второго секретаря райкома.

– Ну, шаг, возможно, и нетипичный, но мне работать, если коммунисты изберут.

– Если обком рекомендует, – уточнил Стрекалёв. – Потому к своим предложениям отнесись со всей ответственностью. Аржиловского оставляешь?

– Конечно, это мой выдвиженец. А по Хевролину у меня сомнений нет, опыт у него приличный, буду настаивать.

Стрекалёв встал:

– Твое дело, решай.

Хевролин по звонку из приемной приехал через час, к предложению отнесся крайне спокойно, даже холодно. Хмара такую реакцию понимал, все-таки в колхозе он хозяин, а в райкоме кроме ручки и бумаги никаких материальных ресурсов, но свое предложение повторил твердо, давая понять, что пути назад нет. Хевролин попросил время с же-

ной посоветоваться, Хмара пододвинул ему телефон:

– Звони, а я дам команду на тебя представление готовить.

Хевролин тоже встал:

– В таком разе и звонить смысла нет, приеду, обрадую.

Григорий стиснул его в плечах:

– Будем работать совместно, Николай, возможности открываются прекрасные, дел невпроворот, так что жалеть не будешь.

Сухой июньский ветер с казахстанских степей, возвращенный и обогретый солнцем, устремлялся от края жаркой пустыни в сторону северных холодов, безжалостно гнул долу травы, шевелил кустарники и хлестал макушки бессловесных берез. С остервенением проносился он над зелеными ковриками пшеничных всходов, иссушая первородные листочки, нежно возвращенные майской щедрой землей. В такую пору ничему живому нет радости. Лесная птишка тщетно зависает над камышом круглого болотца, в котором вчера еще блестели стеколки воды, а сегодня сухость и пыль, и вот уже несетса она по-над лесом, чтобы отыскать и принести в клювике хоть малую капельку влаги для ненасытных птенцов. Звери выходят из лесов и спускаются с Горы к неизбывным старицам, безбоязненно ведя за собою потомство свое, потому что жажда заглушает все страхи и опасения. Гады ползучие греются на песчаных полосках берега, которые уступила им сжавшаяся на солнце вода. Серенький суслик, как столбик, стоит у своей норы на высоком холме, охраняя никому не нужное свое одиночество. Ящерка приподняла голову и который уж час неподвижна на ветру, лишь рот открыт, и кожа под грудкой чуть вздрагивает при дыхании. Только ветер единовластно царствует над простором луга, пашни и леса, не ведая печальных последствий своего появления

или, напротив, даже любуясь ими.

Белесое выгоревшее небо вдруг начинает темнеть, с каждой минутой все гуще, насыщенней, ветер жметя к земле, слабеет, прячется в камышах и в лесу, небесная хмарь становится тучей, выплескивает первые струйки влаги, но она не доходит до земли, испаряется в воздухе, и не скоро еще крупные капли спасительного дождя упадут на сухую землю. А упадут – взметнут легкую пыль и тут же прибьют, вернут ее обратно, придав влажному уже воздуху неповторимый аромат, какой случается в короткие мгновения между засухой и ливнем.

А небо прогремит далекими раскатами угроз, еще больше нахмурится, потом начнет швырять молнии, ветвистые, как голые деревья, и громы уже не успевают за всполохами, бухают невпопад. Радостная земля впитывает влагу, не дает воде растекаться, но скоро насытится верхний слой, не справится, откажется, и потекут мутные потоки туда, где природа определила им хранение.

Все оживает. Зелень умылась и стала красивой, поля приобрели уверенность в урожае, даже червь, последняя тварь в ряду созданий, несказанно рад дождю, выполз из норы, прополз немного, испытывая наслаждение, оставив гибкую черточку следа, и растянулся во всю длину свою на жирном черноземе огорода.

Июньский дождь. Спасение. Хлеба еще сохранили способность к полноценному росту, вострепнутя, раскинутя

кустиками, трубку стебля выкинут, потом колос. И август порадует хлебом.

На последний перед партконференцией разговор Стрекалёв пригласил его поздно вечером, когда закончили рассмотрение всех подготовительных моментов и когда у него, Стрекалёва, появилась полная уверенность, что вопросов нерешенных, необговоренных и грозящих неожиданным проявлением, не осталось. Хмара понимал, что это не столько для него, сколько для Федора Яковлевича, разговор этот имеет значение, ведь тот уходил навсегда из района, в котором проработал больше пятилетки, пережил все передрыги Хрущевских реформаций, когда сбивали в кучу и потом столь же научно обоснованно разгоняли хозяйства, районы и даже партию, партию разделили на городскую и деревенскую. Суровый и недоступный, Стрекалёв внутренне очень порядочным человеком был для Григория, разносы устраивал и выговор раздавал щедро, но зла не держал, сегодня на бюро отчитал, а завтра руку подаст и заговорит о деле, потому что дело и было для него единственным мотивом поведения и даже разносов. Хмара и на себе это испытал, но уважал искренне, потому разговора ждал и готовился к нему.

– Сегодня твою биографию еще раз глянул, да ты у нас еще совсем зеленый, и сорока нет. Ну-ну! Для большого дела самый возраст, все ступени партийные прошел, это хорошо, а на хозяйстве не работал, этого тебе не будет не хватать?

– Не помешал бы опыт непосредственной работы, но, Федор Яковлевич, вы же знаете, что партийный секретарь только права подписи документов не имеет, а по всем другим вопросам вперед хозяйственника ответственность несет. Потому я бы не сказал, что не имею опыта, если бы чувствовал иначе, даже на второго секретаря не согласился бы, надеюсь, нет у вас оснований заподозрить меня в карьеризме.

– Давай без обиды, мы оба понимаем, что твое избрание предрешено, а мне хочется быть до конца в тебе уверенным. Я ухожу почти в никуда, должность моя будущая только выглядит красиво, а конкретной, живой работы за ней нет, Пореченский район до конца останется для меня главным, хотя я не тут рожден. Ты меня счастливее, ты продолжаешь жить и работать на родине, поверь мне, это дорогого стоит.

– Понимаю, потому что и сам чуть было не выехал на чужбину, спасибо, что вы поддержали.

– Это было правильное решение, я уже тогда понимал, что ты нужен. Мне нравится твоя прямота, может, потому что сам как лом, не умею выплясывать, но на этой должности не всегда надо идти напролом, потому что за тобой не только твоя правда, но и целый район, тысячи людей, производство. Там, – он ткнул пальцем вверх, – не всегда хотят слышать правду, это ты знай. В обкоме аппарат складывается добротный. Щербина сейчас много времени отдает Северу, нефти и газу, так что без особой нужды к нему не рвись, пытайся все решать в отделах.

Стрекалёв закурил, прошелся по кабинету.

– Со Степановым ты все обговорил?

– По кадрам – все, других вопросов не касались.

– Он настороженно к тебе относится, ты заметь, потому лишний раз не подставляйся. С Хевролиным ты ему поперек горла, это не укладывается в его рамки: с председателя колхоза в секретари.

Хмара возмутился:

– Классический тип перестраховщика и консерватора! Я ему убедительно показал, что Хевролин вполне готов для такой работы, за ним партком, колхоз, да и первым секретарем комсомола работал, это тоже опыт. Мне, признаюсь, сказал инструктор обкома, что Степанов хотел кого-то из своего отдела нам на второго рекомендовать, но наша позиция его остановила. Мы правильно поступили, и впредь надо свои только кадры иметь, растить и выдвигать.

– Согласен. Значит, я в твой подход не вписываюсь, я же не пореченский.

– Зачем вы так, Федор Яковлевич, – смутился Григорий. – Вы пореченским останетесь в истории района, это обещаю.

– Ты мне машину пообещай вещи в Тюмень перевезти, когда квартиру получу.

– Обещаю, – так же полушуткой, в тон вопроса, ответил Хмара.

Ничего, кажется, внешне не изменилось у Хмары, так же рано, в семь утра, приходил на работу, привычно просил девушку с телефонной станции поочередно соединять его с руководителями хозяйств, так же привычно строил с ними разговор, делая пометки в оперативной сводке и заносая в рабочую тетрадь все, что связано с решением завтра, в будущем. Февраль был метельным, снежным, это радовало, потому что пополняло запасы влаги на полях, но ремонт техники во многих хозяйствах затягивают, потому что нет запасных частей.

Эта арифметика давала ему истинное наслаждение, он создавал на листе бумаги рабочие агрегаты с боронами и культиваторами, с сеялками и катками, суммировал их суточную выработку, и она не укладывалась в заданные им десять дней активного сева. Тут не бывает чудес, математические законы не подчиняются партийным директивам, и получалось, что нельзя рисковать, нельзя поддаваться искушению дожидаться прогревания почвы, спровоцировать боронованием рост сорняков, особенно овсюга. По этому сорняку он собрал, кажется, всю информацию. Очень подлый и коварный враг. Семена его, притаившись, могут лежать в почве сколь угодно долго, дожидаясь своего часа, и когда час этот наступает, когда температура и влажность толкают его к пробуждению,

овсюг показывает свою удивительную жизнеспособность. Он прорастает бурно, дружно, и горе всему живому, оказавшемуся рядом с ним, сплошной ковер его всходов зажмет, задушит росточки благородной культуры.

Еще в сельхозтехникуме ребята с агрономического отделения говорили, что семена овсюга в лабораторных условиях способны перебраться к капельке воды. Особенно витийствовал ишимский паренек Витя Колыванов. «Сам опыт проводил, разложил его вокруг лужицы на стекле, весь вечер наблюдал: притаился, гад, вида не выдает, а уж перед сном заметил, что он усами шевелит, как таракан, тихонько, конечно. Значит, влагу чувствует, тварь, и к ней ориентируется. А утром встаю: мать моя родная! весь овсюг в кучке, на том месте, где вода была, и уже все выхлебал, сволочь! Довольный лежит, и даже в рост пошел, проклюнулся!». Было смеху, конечно. Еще один философ, которому после пяти лет совместной жизни жена изменила и к другому ушла, тоже на овсюг ссылался, с женской натурой его подлости сравнивал. «Женщина, значит, так же, до поры до времени смирно себя блюдет, верна, мол, и прочее, чтобы мужика убаюкать, а как только отвернулся от бдительности, да вокруг нее соответствующие природные условия образуются, температура и прочее, так ее подлость и даст всходы, и задавит любовь и семейную жизнь». Да вспомнился анекдот, возникший после поездки Никиты Хрущева в Америку, где наш руководитель, знаток сельского хозяйства, поинтересовался

у ученых, как они борются с овсюгом. Те не поняли, Хрущев стал объяснять, наконец, дошло, самый старый светило вспомнил, что был такой сорняк, но уже много лет, как вывели, да маху дали, совсем уничтожили, даже студентам показать нечего. «И не могли бы вы, Никита Сергеевич, прислать нам несколько килограммов этого овсюжка для опытов?». Хрущев отказал: «Я вам лучше парочку своих агрономов направлю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.